

Григорий Померанц

Памяти Ольги Шатуновской

С Ольгой Григорьевной Шатуновской я познакомился в доме моего тестя, Александра Ароновича Миркина. В ранней юности он вместе с другим гимназистом основал в Баку, в 1919 году, Союз учащихся–коммунистов. Это был ответ на армянскую резню, устроенную аскерами Нури-Паши вместе с местными жителями в октябре 1918 года. Тогда три дня трупы валялись на перекрестках. И над ними всю ночь выли собаки.

Живой легендой Бакинского подполья была Оля, член партии с 1916 г. (ей было тогда 15 лет), в 1918 г. – секретарь Шаумяна, турками присужденная к повешению, уцелевшая благодаря великодушию вновь назначенного азербайджанского министра внутренних дел. Заболевшая тифом, ухаживая за больными товарищами во Владикавказе, занятом белыми, вывезенная в тюках с коврами в Грузию и, едва оправившаяся, вернувшаяся на подпольную работу в Баку. Оттуда через два фронта пробралась с письмом к Ленину и вернулась с мешком денег для закупки оружия... оказавшимся ненужным. После вступления в Баку красной армии возмутилась действиями нового советского правительства, отдавшего несколько дворцов Нариму Нариманову: он нужен был для азербайджанского политического фасада новой власти (из легендарных двадцати шести Бакинских комиссаров, в честь которых именуется улица в Москве, азербайджанцев была пара человек). И Ольгу отправили на партийную работу в русскую глубинку, где за ней не тянулся шлейф славы, придававший ей дерзости. Случай ее снова выдвинул. Накануне ареста она заведовала отделом в МК. Оттуда попала на Колыму. Старый ее друг Микоян, безбожно льстивший Сталину и во всем ему угождавший, был ей всю жизнь верен и подсунул дело Шатуновской на реабилитацию, но Берия не выпускал на волю людей, знавших его, и весь свой срок с избытком она отбыла; очень ненадолго вернулась в Москву, к детям, и по совету Микояна

уехала подальше; по всесоюзному розыску ее выловили и отправили в бессрочную ссылку, оттуда она отправила Хрущеву записку: «Никита Сергеевич, вы знаете, что я не враг народа». И ни слова больше.

Стрела попала в цель. Хрущев действительно знал ее, и ему нужна была такая сотрудница, не сломленная ничем, способная по своему уму и воле, уточнять характер его сумбурной политики. Вызвав Шатуновскую, он проговорил с ней (в обычном своем беспорядочном стиле) и назначил членом Комиссии партийного контроля. Подробнее я рассказываю о ее пути в моей книге «Следствие ведет каторжанка» (М., 2004). Перескажу здесь только один эпизод.

Один из немногих честных сотрудников аппарата, с которыми Ольга Григорьевна познакомилась, рассказал, что бессрочная ссылка не предусмотрена ни одним из кодексов союзных республик. Можно было в 1947 году, вслед за постановлением ЦК об очистке городов от выживших и вернувшихся лагерников, а также прочих антисоветских элементов, вроде меня, ввести в кодексы необходимую статью. Но Сталин забыл распорядиться. Ольга Григорьевна доложила Хрущеву, и было принято постановление о роспуске по делам всех незаконно сосланных. Однако к Шатуновской шли телеграммы, что постановление не выполняется. Существовал порядок (законом его нельзя назвать, но порядок был), что Президиум Верховного Совета, получив постановление Политбюро, на другой день оформляет его как закон. И вдруг оказалось, что в Президиуме Верховного Совета ничего о постановлении не слыхали. Ольга позвонила Микояну. Микоян воскликнул: «Этого не может быть!» Потом Хрущев, выслушав Микояна, тоже воскликнул: «Этого не может быть», проверил, как обстоит дело, и через голову Политбюро (сперва не успевшего договориться, растерянно проголосовавшего, а потом пытавшегося затормозить и похоронить в бумагах свою резолюцию), – дело было доведено до конца. Еще больше возмутил стариков доклад на XX съезде, подготовленный по материалам, собранным Шатуновской и другой каторжанкой, Пикиной.

Попытка свалить Хрущева в первый раз, как известно, не удалась, – политбюро стало «антипартийной группировкой». И тогда, после XX съезда создана была Комиссия Шверника. Кроме Шверника, в нее входили генеральный прокурор Руденко, председатель КГБ Шелепин, один из заведующих отделов ЦК Миронов (ничем, кроме членства в Комиссии, не вошедший в историю) и Шатуновская. Задачей Комиссии было расследовать роль Сталина в убийстве Кирова. Работала Шатуновская с несколькими wybranными ей сотрудниками, Шверник ей сочувствовал, остальные делали вид, что тоже сочувствовали, выслушивая ее доклады. Кроме этого, Шатуновская время от времени разрабатывала проекты решений, из которых прошел только один: отмена «пакетов», содержавших деньги, не учитывавшиеся ни в системе налогов, ни при уплате партийных взносов. Проект конфискации генеральских дач, построенных солдатами, и другие подобные проекты не прошли. Суслов, партийный идеолог, восемь раз предлагал Шатуновскую уволить, но Хрущев крепко за нее держался.

Ольга Григорьевна с гостевым мандатом присутствовала на XVII партийном съезде и помнила, что кулуары гудели от возмущенных рассказов делегатов о бедствиях, вызванных политикой Сталина (тогда миллионы крестьян погибли от голода). Но никто не решился вынести свое возмущение на трибуну. Работа пропаганды между XVI и XVII съездами превратила Сталина в живого бога. Открыто выступить против него было так же невозможно, как похулить Мохаммеда в Мекке. Но почему только три человека зачеркнули имя Сталина при тайном голосовании? Мандат комиссии Шверника позволил Шатуновской своими руками перебрать все бюллетени, хранившиеся в музее. Зачеркивание было, действительно, только в трех случаях. А 289 бюллетеней просто не хватало.

Шатуновская стала разыскивать членов счетной комиссии. Уцелело только двое. Один – насмерть перепуганный, ничего не хотел вспоминать. Зато Верховых, подводивший итог подсчетам по урнам, откровенно все рассказал. Вычеркиваний было 292. Не зная, что делать, он тогда пошел к

Кагановичу и вместе с ним к Сталину. Сталин спросил: «А сколько вычеркнуло Кирова?» «Трое».

Я думаю, это были Сталин, Молотов и Каганович. Сталин знал о совещании на квартире Орджоникидзе, когда Орджоникидзе предлагал Кирову сменить Сталина, Киров отказался. Перед лицом Гитлера он не решался ломать миф о сталинском гении, на котором очень много держалось – и действительно выдержало все ошибки и все преступления Сталина и все поражения 1941-го и 42-го года.

Сталину о совещании донесли, и Киров, вызванный к нему, объяснил свое поведение. Сталин ничего ему не сказал, но после рокового разговора Киров говорил друзьям: «Моя голова лежит на плахе». Он понимал, что всякого соперника, даже невольного и только мыслимого, Сталин уничтожит.

Выслушав Верховых, Сталин спросил: «А сколько людей вычеркнуло Кирова?» – «Трое». – «Тогда поставьте и мне – трое, а остальные бюллетени сожгите». И Каганович лично все крамольные бюллетени сжег. Когда он стал членом антипартийной группировки. Шатуновская допрашивала его, и он дал письменное признание в своем поступке.

Оставалось теперь понять дальнейшие действия Сталина. Мандат Комиссии Шверника давал Шатуновской возможность вскрыть личные сейфы Сталина. Впоследствии Ольга Григорьевна рассказывала дочери:

«От пола до потолка гигантские сейфы. И их десятки, наполненные документами. Разве мы могли бы, даже если бы годами там рылись, найти. Но позвала заведующего тем архивом, сейчас его фамилию не помню. Меня предупредили, что это человек Маленкова. Тем не менее, я с ним стала говорить, ну как с порядочным человеком. Убеждать его, что вот видите, мы в силу решения XX съезда должны исследовать этот вопрос. Что у вас есть? Дайте нам! Потому что мы пришли в ваш архив, но ведь он колоссальный. А

вы знакомы с содержанием этого архива. Дайте нам то, что может послужить ключом»¹.

Я один раз поймал на лету взгляд Ольги Григорьевны, в который она вложила всю себя. Это было при встрече со старыми товарищами по Бакинскому подполью. Но взгляд этот помог мне понять, почему заведующий архивом, человек Маленкова, на другой день принес ключ к механизму Большого Террора. Это были списки двух террористических центров, ленинградского и московского, составленные рукой Сталина. Фамилии Зиновьева и Каменева были сперва в ленинградском списке (значит, хотел их сразу расстрелять), но потом зачеркнуты и перенесены в московский список (значит, наметил особый московский процесс). Графологическая экспертиза подтвердила: почерк Сталина.

Киров и Орджоникидзе считались лучшими друзьями Сталина. Этот идеологический макет не хотелось разрушать, вдову Орджоникидзе и родных Кирова не трогали. Шатуновская их опросила, и они многое рассказали. Ольга Григорьевна упоминала их показания в списке важнейших документов. Другие свидетели тоже нашлись. Или, по крайней мере, друзья уничтоженных свидетелей, узнавшие и сохранившие тайну.

Сталин, по-видимому, сумел убедить своих приспешников, что тайная оппозиция, на словах курившая ему фимиам, опаснее явной, что этой болезнью заражены многие, не способные принять превращение Сталина в кумир, стоявший выше человеческой критики, и эту широко разлитую, незаметную оппозицию надо уничтожить. Без культа вождя нельзя победить Гитлера. И потому весь неясно очерченный слой, зараженный критицизмом, должен быть уничтожен. Но надо это сделать, сохраняя идеологические штампы, так, будто продолжается борьба с троцкизмом, а арестованных заставляя признаться, что они прямые агенты гитлеровской разведки.

Ольга Григорьевна проследила выполнение этого плана до деталей. Она выяснила, как в Ленинград был направлен чекист Запорожец с заданием

---

¹ Об ушедшем веке рассказывает Ольга Шатуновская. Берлин, 2001. – С.307.

убить Кирова, как Леонида Николаева убедили взять на себя эту роль, как его трижды задерживала личная охрана Кирова – и как трижды убийце возвращали портфель и оружие. Ей удалось восстановить картину первого допроса Николаева, кричавшего, что он выполнял волю партии. Свидетели допроса были расстреляны или покончили с собой, как Пальгов, прокурор Ленинградской области; прежде чем застрелиться, он рассказал все Опарину. И письменные показания хранителей тайны, не знавших друг друга, совпали.

От имени Комиссии Шверника Ольга Григорьевна запросила КГБ и получила от Шелепина справку по полугодиям и областям о масштабах Большого Террора, охватившего всю страну. Запомнить всю таблицу было невозможно. Врезались в память только общие итоги: около 20 млн. арестованных и 7 млн. расстрелянных за шесть с половиной лет, с 1 января 1935 г. по 1 июля 1941 г. Любая советская статистика не вполне достоверна, но Пол Пот, в маленькой Кампучии, уничтожил 3374768 человек (цитирую по книге «Похороны Колоколов». М., 2001, с.9). Мудрено ли, что Сталин, в большой стране, достиг большего. Я помню, что примерно у трети студентов ИФЛИ были арестованы старшие родственники. Я помню общую атмосферу ужаса, разлившуюся по стране в 1937–38 гг. Я отдыхал от смрада общего страха еженедельно посещая музей новой западной живописи и созерцал покой, разлитый в полотнах Моне, Сислея, Марке.

Хрущев плакал, читая резюме дела в 64 томах, законченного к XXII съезду, но Суслов, главный идеолог партии, и Козлов, второй секретарь ЦК, дали ему понять, что сплоченное большинство ЦК против публикации этого документа, и Хрущев согласился отложить публикацию на 15 лет. Ольга Григорьевна безуспешно пыталась доказать, что это политическое самоубийство, и оказалась права. Чекисты не могли спокойно спать, зная, что у Хрущева, с его непредсказуемыми решениями, осталась в руках идеологическая бомба. После выхода Шатуновской на пенсию (из-за ссоры с Сердюком, фактически возглавлявшим Парткомиссию и упорно травившим Ольгу Григорьевну) дело в 64 томах начали потрошить, а после отставки

Хрущева совершенно распотрошили. И мы стоим перед выбором: что считать фактами? То, что запомнила Ольга Шатуновская и рассказала своим детям и внукам (и мне лично)? Или официозную фальшивку? Такую же липу, как официозный вариант расстрела в Катыни? Когда могилы польских офицеров разрывали и подкладывали трупам приметы придуманного времени расстрела?

При первой возможности, 10 февраля 1990 г. (в год ее смерти) Шатуновская направила в «Известия» письмо, где коротко и четко изложила основные результаты расследования и главные подлоги, ставшие ей известными. Этот фонд до сих пор не учтен историками. Одним мешает рептильный сталинизм, другим антикоммунистическая прямолинейность. Слышатся голоса, что разница между Сталиным и Кировым невелика, и не так важно, как один гад пожрал другого. Но когда Сталин умер, я вышел на волю и вышли все мои лагерные друзья. Для всех нас было очевидно, что Большой Террор разрушил армию. Большой Террор дал Гитлеру его легкие победы, а нам – необходимость затыкать собственной шкурой дыры, созданные просчетами и преступлениями Сталина и его ставленников. Следствием сталинских действий была блокада Ленинграда и миллионы пленных, умиравших в гитлеровских лагерях или в сталинских – за «измену родине». Большой террор истребил все кадры, способные повернуть страну. Победы на поле брани привели нас в социальный тупик. И при попытке реформ оказалось, что на официальной авансцене нет реформаторов. Творческая инициатива годами, десятилетиями наказывалась и иссякла.

Итоговая цифра террора, запомнившаяся Шатуновской, смешивает нарастание террора в 1935–36 гг., Большой террор (в 1937–38 гг.) и террор 1939–1941 гг., в основном развернувшийся в областях, присоединенных на Западе. Но даже если бы вся таблица Шелепина была полностью опубликована и подвергнута анализу, это не всех убедило бы. Десятки миллионов людей грезят о новом Сталине, строгом, но справедливом, который наведет в стране строгий, но справедливый порядок. Невозможно

переубедить людей, жизненной необходимостью которых стали фантомы. Можно попытаться учить только тех, кто хочет учиться, готов удерживать в голове, что Сталин – убийца десятков миллионов людей и Сталин – создатель системы, выдержавшей войну с гитлеровской Германией; Сталин – разрушитель армии (число арестов здесь точно подсчитано) и Сталин – организатор новых вооруженных сил; Сталин, совершивший чудовищные ошибки в начале войны, и Сталин, сумевший на своих ошибках учиться; Сталин – создатель стиля работы на износ, дававшей поразительно эффективные результаты на короткой дистанции, а на долгой – подорвавшей охоту работать. Стиля, создавшего великие стройки – и подрывавшего самые основы жизни (недаром я его сравнивал с Цинь Шихуанди, строителем Великой китайской стены, после которого династия его сразу рухнула).

Одинокая женщина, влиявшая на властные решения только от случая к случаю, боролась за реформу системы, обладавшей огромной силой инерции. Одним из неудавшихся проектов Шатуновской была реабилитация Бухарина; но за его личной реабилитацией открывалась возможность реабилитации его идей (которые в Китае использовал Дэн Сяопин). В русской политической элите это вызвало яростное сопротивление. Серьезная реформа отбросила бы в сторону стареющих марзматики. Им нужен был застой – интеллектуальный, социальный, всякий. Этот дух хорошо выразил Брежнев в каком-то частном разговоре: «не раскачивайте лодку». И система, созданная Сталиным и оставшаяся без Сталина, медленно ползла к развалу.

На политическом Олимпе не было мужчин, способных поддержать женщину, в которой догорал пыл ее гимназических лет, отданных стихам Тагора, мистическому чувству космоса (о котором она говорила только мне) и борьбе за социальную справедливость. Но в памяти остался ее образ. Может быть, кому-то еще он запомнится.